

Валерий Фокин – режиссер с мировым именем. Он начал ставить спектакли еще в конце 60-х гг. За его плечами 15 лет работы в театре «Современник», руководство Театром им. Ермоловой, создание Центра им. Вс. Мейерхольда, и, наконец, 20 лет на посту художественного руководителя Александринского театра. В июле 2024 г. Фокин стал президентом этого театра.

В театре Фокин всегда обращается к самым острым и болезненным темам – как личным, так и общественным. Фокинскую режиссуру отличает смесь сценических метафор, глубина психологического анализа, острота мышления, но самое главное – масштаб выбранной идеи.

В интервью «Ведомостям» режиссер рассказал, зачем ставить библейские тексты, что выбирает сегодняшний зритель и почему важно соизмерять спектакли с тем, «что происходит за окнами».

«ПУБЛИКА В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ СЛОВА ОЧЕНЬ ЛЮБИТ, ЧТОБЫ ЕЕ НЕ ТРОГАЛИ»

– Как и когда возникла идея ставить Книгу Иова из Ветхого Завета?

– У меня всегда есть несколько таких идей, которые я хотел бы осуществить. Совершенно не обязательно, что это произойдет, иногда все случается только спустя несколько лет. В этой «кошке», кроме «Иова», лежала «Песнь Песней» и истории про Иуду из Нового Завета. Мне хотелось сделать трилогию, но по

разным причинам не случилось. Когда появилась возможность поставить «Иова», я с удовольствием начал репетировать.

– Понятно, что тема оправдания или не оправдания человеческих страданий – вечная, и все же что именно вам отклинулось в этом тексте?

– Его провидческость. Как мы верно заметили, вопросы, которые задает человек себе и Богу, – они всегда были, есть и будут. За всю многогодичную историю люди никогда разо не жили. А потому вопросы наказания, отношений с собой, своими желаниями, мотивами... они живут в нас от рождения, генетически. Я на них тоже реагирую. Другое дело, что нужно было найти форму. Ты можешь хотеть поставить что угодно, но нужно понимать, как поставить. Все-таки библейский текст – непростой материал.

– Какую форму вы выбрали?

– Я убежден, что режиссеру ничего про свой спектакль объяснять не нужно. Скажу только одно: когда у меня возникло ощущение пространства, подчеркиваю – не театрального пространства, все остальное сложилось.

– Пространство действительно уникальное. Спектакль идет в Царском фойе. Вы хотелиставить спектакль изначально?

– Нет, изначально я думал арендовать какой-нибудь особняк в Питере или Москве. Если поедем на гастроли в столицу, возможно, особняк все-таки случится. Мне было нужно, чтобы это была не театральная территория. Понятно, что никто не делает вид, что это не игра. Это невозможно. Но тем не менее важно, чтобы была эстетическая синхрония между восприятием пространства и тем, что внутри него происходит. В результате я остановился на Царском фойе: по своей архитектуре, антуражу оно подходит.

– Как именно подходит? Как-то помогает?

– Здесь (в Александрином театре. – «Ведомости») многое помогает, если в это верить и отдаваться театру искренне. Здание, наполненное столетиями. Вообще, все старинные театральные здания вступают в свои отношения с текстами, произнесенными с их сцен. Это может быть диалог, а может быть отождествление. Я видел такой спектакль

на Основной сцене – это выглядело как два параллельных сюжета. На сцене свое что-то «дуют», а зал холоден и отстранен. А бывает наоборот: ты вступаешь даже в конфликтный диалог, зал чувствует, что с ним разговаривают, и откликается. Первым это открыл Мейерхольд. На своем «Дон Жуане» зажег свет в зрительном зале. Дело не в том, конечно, что он зажег свет, а в том, что понял – с этим зданием и его архитектурой нужно вступать в разговор. И разговаривать с ним художественно.

– И вы, и актеры это делаете. Интересно, что в программке спектакля все, кто над ним работал, обозначены как авторы. Не было обычного распределения ролей?

– Было. Но я не хотел, чтобы было указано, кто кого играет. Я не люблю слова «проба», «эксперимент». Они настолько затасканы сегодня – все кому не лень рассказывают, что они экспериментируют и «лабораторничают». Но «Иов» – это действительно другой театр. И поскольку мы работали одной компанией, значит, и в программке должны быть так указаны.

– Вам важно, чтобы артисты были с вами заодно в смыслах? Или они могут вам оппонировать?

– Оппонировать они могут, ради бога, я готов. Только тогда это должно быть очень убедительно. Такое происходит крайне редко.

– Чтобы никто не спорил, наверное, нужно очень подробно разобрать текст? Сколько длился «застольный период»?

– Скорее, был процесс подготовки – этюдов, упражнений. Вот этим мы занимались. А разбора подробного не было. Здесь он лишний.

– От актеров вы ждете единомыслия. А от публики? Ждете ли вы какой-то определенной реакции?

– Это зависит от спектакля. Если мы говорим про «Иова», то это физический театр. Для кого-то это будет новостью. А новости либо принимают, либо нет. На этом спектакле не может быть однозначной реакции. Вообще, публика в широком смысле слова очень любит, чтобы ее не трогали, чтобы она спокойно сидела в креслах, делала вид, что внимательно смотрит, смеялась. И чтобы все спокойно. А тут смеяться и быть спокойными не получится.

– То есть вам важна готовность публики думать над художественными философскими вопросами? А о чем вам всегда интересно размышлять и ставить?

– Только о том, что увлекает лично. И это «что-то» обязательно должно соприимечаться с тем, что происходит за окнами. Это для меня вопрос небезразличный. И дело не в такой прямолинейной актуальности. Мы живем тысячелетия, и, если говорить о внутреннем росте, мало можем. Мы можем только пытаться измениться, и каждый человек может сделать для себя лично шаги в эту сторону. Коллективного спасения быть не может. А по поводу готовности публики – вся она не откликается, это понятно. Но если в тысячном зале у 10 человек появится импульс к изменению, театр имеет смысл. Даже если один человек отреагирует, мне это ценно.

«МЫ СЕЙЧАС ФОРМИРУЕМ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЯЗЫК»

– Не могу не спросить про ваш новый статус президента Александринского театра. Почувствовали ли вы разницу с тем временем, когда вы были художественным руководителем? Стало ли меньше ответственности?

– Я думал, что ее будет меньше, но пока так не происходит. Я понимаю, по каким причинам. Новое руководство (в июле 2024 г. пост худрука Александриники занял Никита Кобелев. – «Ведомости») должно обрести новый для себя оптим. На это нужно время. Но, надеюсь, не бесконечное.

– С чем было связано такое радикальное решение – досрочно снять с себя полномочия худрука?

– Мне не интересно бесконечно сидеть в этом кабинете и ждать своей гражданской панихиды. Некоторым моим коллегам, к сожалению, да. Ну пусть досиживают – у каждого свой долг. Другое дело, что я по молодости лет обличал на всяких собраниях и конференциях старших коллег. Говорил, что вот, мол, нас, молодых, никуда не пускают. Сейчас я понимаю, что это не такой простой вопрос. Во-первых, нужно выбрать. Человек может быть одаренным, но не годиться к руководящей должности, «плыть» в организационных вопросах. Это разные профессии. Худрук должен уметь их объединять. Когда возникла кандидатура, в которую я поверил, я долго не думал.

– Александриника сегодня – это не столько театр, сколько междисциплинарный центр. И создали его вы. Легко было отдать все это другому человеку? Вообще делегировать вам сложно?

– Легко. Другой вопрос, что просто отдать и забыть не получается. Слишком много всего.

САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ СПЕКТАКЛИ ВАЛЕРИЯ ФОКИНА*

ГОД	НАЗВАНИЕ СПЕКТАКЛЯ	ТЕАТР
1986	ГОВОРИ...	МОСКОВСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМ. М. Н. ЕРМОЛОВОЙ
1994	НУМЕР В ГОСТИНИЦЕ ГОРОДА НН	ЦЕНТР ИМ. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА
1995	ПРЕВРАЩЕНИЕ	ЦЕНТР ИМ. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА СОВМЕСТНО С ТЕАТРОМ «САТИРИОН»
2002	РЕВИЗОР	АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР СОВМЕСТНО С ЦЕНТРОМ ИМ. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА
2004	ШИНЕЛЬ	СОВРЕМЕННИК
2008	ЖЕНИТЬБА	АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР
2009	БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ. ИСТОРИЯ ЛЮБВИ	АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР
2013	ЛИТУРГИЯ ZERO	АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР
2014	МАСКАРАД ВОСПОМИНАНИЯ БУДУЩЕГО	АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР
2024	ИОВ	АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР

ИСТОЧНИК: ДАННЫЕ ТЕАТРОВ, «ЭКСПЕРТИЗА «ВЕДОМОСТИ»

феврале и мае, кросс-культурные и междисциплинарные проекты. Мы провели научную конференцию, состоялась премьера «Мейерхольда. Чужой театр» (режиссер – Валерий Фокин. – «Ведомости»). Все было очень насыщенно, интересно.

Мейерхольд любил соединять разные виды искусства в театре. Вплоть до джаза, который обожал. Поэтому в театре, помимо узкоспециальных проектов, шли многочисленные концерты. Мне кажется, ему бы это понравилось.

– А для вас как для режиссера Мейерхольд – это номер один?

– Мейерхольд – театральный гений. У него очень многое можно и нужно заимствовать. Изучать, анализировать и применять к себе, к своей собственной практике. К сожалению, многие мои коллеги этим не пользуются и изобретают велосипед, который быстро ломается. Когда Мейерхольда спросили, мог бы он написать учебник по режиссуре, он ответил блестательно: «Ну, если бы я его написал, это была бы очень маленькая брошюра. Страниц на 15. И написал бы я о том, чего не должен делать режиссер». Потому что, что именно он должен делать, не известно никому. А вот чего не должен – хорошо бы выучить наизусть. Я пытаюсь привить эту мысль своим студентам.

– Какие пункты этого «учебника» для вас также особенно важны?

– Знаете, я бы туда обязательно включил пункт «всегда со всеми здороваться». Режиссерская фигура – когда он идет в театр, все знают, что он туда вошел. Театр так устроен: режиссеры всегда находятся под пристальным вниманием. Обращают внимание на все – как ты одет, как говоришь, как улыбаешься, как репетируешь. Ты все время чувствуешь себя Штирлицем, засланным врагам. Нельзя расслабляться.

– К этому можно призыывать?

– К сожалению, ко многим маскам привыкаешь. Но их надо научиться время от времени сдирать. Это входит в профессию. Но тут есть исключение – у тебя должны быть люди, перед которыми ты можешь маску отложить в сторону. То, насколько это важно, понимаешь только с годами. Режиссер всегда должен излучать уверенность. Не будешь излучать – ты не лидер. Но ведь мы живые люди. Тоже со временем, можем быть расстроены или больны, можем бояться или перничать.

– Что вам помогает бесконечно «дергаться»?

– Бог. От него все.

– Если говорить про вас как про режиссера, есть что-то в театре, чего вы никогда себе не позволите?

– В принципе, я открыл любым новым веяниям. И в театре могу себе позволить все. Одно условие – это должно быть соразмерно смыслом и вкусу.

– Есть что-то, чем вы довольны, то, что вы сделали на посту художественного руководителя Александриники, и что-то, про что еще болит?

– Наверное, ни про что уже не болит. Я точно знаю, что у всего есть причины. Кроме того, в театре

лет жизни. Он не имел в виду, что здание закроют. Он говорил о том, что нужны обновления и перестройка. Мы не любим это слово – «перестройка», боимся его. Но этоinevitable. Это жизнь. Нужно все время чувствовать ее дыхание, иначе легко впасть в ощущение, что все нормально. «Зрители ходят, и слава Богу». Так многие думают. Тем более сегодня в этом смысле исключительно позитивная ситуация. Залы полны.

– Как вам кажется, с чем это связано?

– С форматом времени. С недостатком определенных впечатлений, желания погрузиться в другой мир. Можно объяснить этот момент психологически. Но ведь люди ходят именно в драматический театр. Им интересны не только комедии, чтобы «отвлечься». Русский зритель – он другой зритель. Он генетически знает цену страданий, а значит, и аллюзий и метафор в театре. Он не только тепло принимает спектакль – он его чувствует! Я очень много работаю в разных странах и с уверенностью могу говорить, что наш зритель особенный. Это подтверждают все крупные мировые режиссеры.

– Кстати, о режиссерах. За кем вы сейчас следите и следите ли вообще?

– Скажу о российских. Мне интересно все, что делают Могучий, Додин, Женовач, Гинкас. И некоторые режиссеры, которые в силу известных обстоятельств нас покинули. Это плохо, потому что большинство режиссеров всегда будет тепло.

– Но молодых мне ответить труднее. Осторожничая с фамилиями, поскольку считаю, что одни-два удачных спектакля – это еще не режиссер. Нужно время, чтобы себя проявить по-настоящему. Режиссура – бег на длинную дистанцию.

– Продолжайте. Но я вспоминаю, что ты решил вопрос, а послезавтра этот вопрос опять возник. Ты его в дверь – он в окно. Театр – живая машина, там всегда что-то происходит. Это тяжело, но абсолютно нормально. Опять же артисты люди непростые. Никто не любит фразу Станиславского «актеры – это же не люди». Он сказал так всего раз и имел в виду только то, что актеры особенные ребята.

– И все же как сегодня живет театр?

– Театр вписан в контекст времени, которое выдвигает новые требования. Но театру важно сохранить свое художественное лицо в любой ситуации. Это трудно и требует особой ответственности от артистов и всего коллектива. Но это главное. Я прекрасно понимаю, что театр в любую секунду может быть не на том уровне, на котором я его держал. Мое руководство больше 20 лет. Это много. Немирович-Данченко вообще давал любому театру 12–15

водитель. Но очень заинтригован сам. Мы сейчас формируем международный театральный язык.

– А если вернуться к нашему театру. Вопрос о репертуарной политике – как она выстраивается, что в планах театра?

– В репертуарной политике не думают, что произойдут какие-то решительные изменения. Театр всегда взаимодействовал с классикой, но именно взаимодействовал. Мы 20 лет назад провозгласили свою программу «новая жизнь традиции» и ее придерживаемся. Среди наших будущих премьер и «На дне» по Максиму Горькому, и «Обломов» по Гончарову, «Гоголиада» по произведениям Гоголя и заметкам Козинцева, «Господа Головлевы» по Салтыкову-Щедрину. Классику мы анализируем художественно для того, чтобы она звучала свежо и современно. Может быть, новый руководитель привнесет что-то свое.

По поводу готовности публики – вся она не откликается, это понятно. Но если в тысячном зале у 10 человек появится импульс к изменению, театр имеет смысл. Даже если один человек отреагирует, мне это ценно

сегодня ты решил вопрос, а послезавтра этот вопрос опять возник. Ты его в дверь – он в окно. Театр – живая машина, там всегда что-то происходит. Это тяжело, но абсолютно нормально. Опять же артисты люди непростые. Никто не любит фразу Станиславского «актеры – это же не люди». Он сказал так всего раз и имел в виду только то, что актеры особенные ребята.

–